

✦ ЛИББИ ✦

Пять часов назад

В тот же день, когда Либби повстречала Николаса Феррера де Варону, она по совпадению поняла, что слово «бешенство» — прежде она никогда им не пользовалась — это единственное мыслимое средство описать чувство, что она испытывает рядом с ним. Тогда же Либби нечаянно подожгла вековые портьеры в кабинете профессора Брикенридж, декана по делам студентов, из-за чего поступление в Нью-Йоркский университет магических искусств и вечная ненависть к Нико сплелись тугим узлом в ее памяти. После этого любые попытки сдерживать себя были тщетны.

Сегодняшний день обещал стать не похожим ни на один предыдущий — если не считать белого каления, — ведь учеба закончится, а значит, дорожки Либби и Нико наконец разойдутся. Больше они не встретятся, разве что случайно. В конце-то концов, Манхэттен не маленький, тут много кому удастся избежать друг друга, и теперь Либби с Нико де Вароной работать не придется. Утром она едва не пела от радости, но ее парень Эзра списал это на другие актуальные события: курс она окончила (в паре с Нико, но лучше не думать об этом) с наивысшим баллом, а еще ей предстояло произнести речь на выпускном. Любое признание дорого, однако больше всего Либби манила новизна будущего.

Либби не могла нарадоваться рассвету более простой, лучшей, а главное — лишенной присутствия Нико де Вароны жизни.

— Роудс, — произнес Нико, занимая соседнее с Либби место на сцене.

Он словно покатал, как мраморный шарик, ее имя на языке и шутя потянул носом. Из-за его обласканных солнцем ямочек на щеках и очаровательно неправильной формы носа (на самом деле просто сломанного носа) некоторые легко закрывали глаза на непримечательный рост и бесчисленные недостатки характера. Либби же видела в Нико де Вароне хорошую наследственность и слишком большую для любого мужчины самонадеянность.

— Гм, странно... Это не от тебя дымом тянет?

Очень смешно. Обхохочешься.

— Осторожнее, Варона. Ты ведь знаешь, что этот зал стоит прямо над разломом?

— Еще бы. Мне же с ним работать предстоит, — вслух подумал он. — Жаль, кстати, что ты не получила стипендию.

Он явно пытался разозлить ее, поэтому Либби вместо ответа демонстративно уставилась в толпу. Она еще никогда не видела в зале столько народа: выпускники и их близкие заполняли ряды до самой галерки и пеной вхлестывались в вестибюль.

Даже издаലെка Либби разглядела папин приличный блейзер, купленный лет, наверное, двадцать назад, еще на свадьбу, который он надевал на всякое мало-мальски формальное мероприятие. Папа с мамой сидели в среднем ряду, в двух местах от центра, и при виде них Либби на мгновение ощутила безграничную любовь. Она, конечно же, просила не беспокоиться и не приходиться, мол, стесняюсь и всякое такое... Однако папа пришел, не забыв надеть блейзер; мама же накрасила губы. А рядом с ними находилось...

Пустое кресло. Либби успела заметить его, а через мгновение увидела девочку в кедах с высокими берцами. Кривясь от презрения к истеблишменту в лице собравшихся, та ловко протиснулась

мимо чьей-то бабушки с тростью. Вовремя, ничего не скажешь. Мозг отказывался увязывать эти два элемента: ураган апатии (хотя бы противоречие в платье-бюстье) и пустое кресло рядом с родителями. У Либби поплыло перед глазами, и на секунду она испугалась, что на нее напала внезапная слепота. А возможно, Либби просто заплакала.

Уф, нет, ни то ни другое. Начать хотя бы с того, что Кэтрин, будь она еще жива, было бы далеко не шестнадцать. Подумать только, а ведь Либби обогнала старшую сестру. Она все еще не понимала такую мудреную математику, однако это не помешало давней, смертельной ране зарубцеваться.

Впрочем, не успела Либби снова удариться в хандру с самобичеванием, как в проходе появилась еще одна знакомая фигура: виновато качнув гривой непослушных кудрей, она опустилась в свободное кресло. Эзра — надевший свой последний уцелевший свитер, который Либби еще не успела на неделе постирать, — заполнил дыру на месте Кэтрин. Он передал ее отцу программу, а матери — салфетку. Коротко поболтал с ними о чем-то и устремил взгляд на сцену. При виде Либби его глаза зажглись, и он одними губами произнес «привет».

Старая боль от потери сгладилась, сменившись облегчением. Кэтрин это не понравилось бы, как и платье Либби. Да и стрижка, наверное, тоже.

«Привет», — так же, одними губами, шепнула в ответ Либби, а Эзра изобразил знакомую кривую улыбку. Он постоянно что-нибудь перекусывал, но оставался худым, если не сказать тощим, и на первый взгляд казался ниже, чем был на самом деле. Он двигался с кошачьей грацией, и Либби нравилось это его изящество, тихая поступь, внушавшая спокойствие.

К несчастью, Нико проследил за ее взглядом, и уголок его рта насмешливо дернулся.

— А, вот и Фаулер. Явился все-таки.

Либби, которая позволила себе на миг роскошь забыть о Нико, вскинулась:

— Ты что-то имеешь против?

— Нет, просто думал, что ты уже подняла планочку, Роудс.

Не ведись, не ведись, не ведись...

— Эзру, кстати, недавно повысили, — спокойно ответила Либби.

— Он что-то научился делать?

— Нет, он... — Либби заставила себя замолчать, стиснув кулак и мысленно сосчитав до трех. — Он теперь проект-менеджер.

— Господи боже, — сухо произнес Нико, — как впечатляет.

Он улыбнулся при виде ее злобного взгляда, и она в ответ бесстрастно заметила:

— У тебя галстук сбился.

Нико машинально дернулся поправить его, а Либби добавила:

— Гидеон за тобой не поухаживал?

— Он просто... — Нико осекся, и Либби мысленно поздравила себя. — Очень смешно, Роудс.

— Что смешно?

— Гидеон — моя нянька, оборжаться. Это что-то новенькое и свежее.

— Типа насмешки над Эзрой — это новый виток эволюции.

— Я же не виноват, что над его серостью можно угорать вечно, — ответил Нико, и, если бы не тот факт, что они сейчас сидели перед всем курсом, преподавателями и прочими школьными работниками, Либби, не стала бы сдерживаться и дала своей магии выход.

Жаль, но поджог нижнего белья на Нико де Вароне сочли бы неприемлемым поведением.

«Последний день, — напомнила себе Либби. — Сегодня последний день с Нико. Пусть несет что угодно, это ничего не изменит».

— Как твоя речь? — спросил Нико, и Либби закатила глаза.

— Стану я обсуждать ее с тобой.

Шестерка Атласа

— Почему бы и нет? Я же знаю, у тебя боязнь сцены.

— Нет у меня... — Вдох. Ладно, два, на всякий случай. — Сцена меня не пугает, — намного ровнее произнесла Либби, — а если бы и пугала, чем бы ты мне помог?

— О, так ты решила, что я помощь предлагаю? — спросил Нико. — Извини, но нет.

— Все еще дуешься, что не тебе доверили выступление?

— Я тебя умоляю, — хмыкнув, прошептал Нико. — Мы же оба в курсе, что никто не тратил время на такую ерунду, как выборы оратора для прощальной речи. И потом, половина наших уже накидалась, — заметил он.

Либби знала, что так и есть, но правоту Нико признавать не хотела. К тому же тема была больная: он сколько угодно мог изображать равнодушие, но проигрывать Либби не любил. Даже в мелочах.

Либби знала это, потому что сама на его месте переживала бы то же.

— О-о-о? — задорно протянула она. — Если всем было пофиг, как же я победила?

— Так ты единственная и голосовала, Роудс. Ты, похоже, меня даже не слушаешь...

— Роудс, — угрожающе зашипела декан Брикенридж, проносясь мимо, тогда как церемония шла полным ходом, — Варона. Неужели так сложно посидеть тихо один час?

— Профессор, — ответили они хором, выдавив улыбки, а Нико суетливо потянулся поправить галстук.

— Это вовсе не сложно, — заверила декана Либби, понимая, что даже Нико не станет дурить и согласится. — Все хорошо.

Брикенридж выгнула бровь.

— Значит, утро задалось?

— Утро просто чудесное, — сказал Нико, нацепив одну из самых своих очаровательных улыбок.

Это-то и раздражало больше всего: с кем угодно, кроме Либби, он мог вести себя по-человечески, не вынося мозг. Нико де Варона был любимчиком преподавателей; сокурсники же хотели походить на него, встречаться с ним или просто дружить.

Только сильно отстранившись от вражды и позволив себе небывалую щедрость открытого суждения, Либби поняла, как такое возможно. Нико был невероятно, просто несправедливо симпатичен, и, несмотря на ум и одаренность самой Либби, сокурсники и преподы предпочитали ей Нико. Он обладал каким-то особенным даром вроде касания Мидаса: Нико умел совершенно без усилий превращать бредятину в золото; это было даже не навыком, а машинальным действием, которое Либби, такой одаренный студент, не сумела освоить. Умение Нико легко очаровывать окружающих не поддавалось изучению, такое изящество не было предметом точных наук.

А еще у него была кошмарная способность убеждать людей, будто он знает, о чем говорит. Порой, может, это так и было, но уж точно не всегда.

Впрочем, самый страшный грех Нико совершил, уведя у Либби работу мечты. Просто сама Либби в этом ни за что не призналась бы. Попасть в крупнейшую на Манхэттене венчурную компанию — это вам не баран чихнул. Либби искала бы средства для инновационных медитских технологий, выбирая из целого портфеля невероятных идей с огромным потенциалом для роста и общественного капитала. Пришла пора действовать: мир перенаселен, ресурсы истощены... как никогда актуальны альтернативные источники энергии. Со временем Либби смогла бы изменить саму структуру развития медитов: выбрать тот или иной стартап, пересмотреть прогрессию глобальной экономики, и за это ей хорошо платили бы. Однако стипендия НУМИ уплыла к Нико, а без нее было никак.

Декан Брикенридж заняла свое место, Нико притворился паинькой, и Либби задумалась о светлом будущем, когда она наконец перестанет соперничать с ним. Целых четыре года Нико был неотъемлемой частью ее жизни, словно некий надоедливый рудиментарный орган. Медиты-физики, повелевающие стихиями, были редким явлением; на свете таких жило лишь двое. Долгих четыре года Нико с Либби обоих запихивали на все уроки, зато в итоге они развили мастерство, граничившее разве что с их взаимной неприязнью.

Для Нико, который привык получать желаемое, Либби стала настоящей занозой. Она нашла его самоуверенным и заносчивым с первого же момента знакомства и с ходу ему об этом сообщила. А ведь больше всего на свете Нико де Варона ненавидел, если кто-то не влюблялся в него с первого взгляда. Должно быть, Либби нанесла ему первую в жизни травму. Всю ночь, поди, потом не спал, терзаемый мыслью, что на свете есть женщина, которая его не боготворит. Для Либби, однако, все было куда сложнее: она считала Нико козлом по многим статьям, к тому же он казался несносным, классическим напоминанием обо всем, чего ее жизнь лишила.

Нико происходил из семьи видных медитов, учился в частном порядке, не покидая роскошного дворца (как Либби думала) в Гаване с самого детства. Либби, уроженка Питтсбурга, в чьей мещанской родословной не было даже простых колдунов, вообще думала поступать в Колумбийский, пока в ее жизни не появился НУМИ в лице Брикенридж. Она совсем не знала о базовых принципах медитов, начала с самых низов магической теории, и вкалывать ей приходилось вдвое усерднее прочих — и лишь за тем, чтобы от нее отмахивались со словами: «Да, молодец, Либби... а теперь ты, Нико, что покажешь?»

Нико де Варона никогда бы не понял, на что это похоже, в бесчисленный раз подумала Либби. Нико был красив, умен,

очарователен, богат, а Либби... Да, она сильная, не слабее Нико, а со временем так и вовсе имела шанс превзойти его, с таким-то превосходным чувством самодисциплины. Однако четыре года преподы оценивали их студенческие достижения с поправкой на Нико. Если бы не он, Либби освоила бы программу махом и, наверное, даже нашла ее скучной. Ей не сыскалось бы равных — не то что соперников. Да был ли ей кто-то ровней, кроме Нико?

Нет. Она еще не встречала физиков столь же сильных, как они с Нико. Ему достаточно было слегка утратить выдержку, и землю уже начинало трясти, а на то, чтобы вызвать хотя бы такие легкие толчки, у среднего медита ушло бы часа четыре. Сотворение же хоть чего-то из пустоты казалось и вовсе геркулесовым подвигом. Точно так же искорка огня в исполнении Либби стала бы более чем достойным поводом получить полную стипендию НУМИ и прибыльную работу на полную ставку после учебы. Перед силой Нико и Либби благоговели бы, ее перевозносили бы, даже случись им проявить себя порознь, что, собственно, и светило им впервые за последние годы. Теперь, когда никто не будет сравнивать Либби с Нико, она сможет, наконец, встать в полный рост, не загоняя себя при этом до полусмерти.

Эта мысль вызвала у Либби какое-то странное ощущение, похожее на тоску, но все же она сгорала от нетерпения.

Ощувив под ногами легкую дрожь, Либби оглянулась и заметила, что Нико забылся в мыслях.

— Эй! — Она ткнула его локтем в бок. — Перестань.

Нико ответил ей скучающим взглядом.

— А что сразу я, Ройдс? Я же тебя в лесных пожарах не обвиняю.

Либби закатила глаза.

— Я умею отличать обычные подземные толчки от твоих истерик.

— Осторожнее, — предупредил Нико, стреляя взглядом в сторону Эзры и родителей Либби. — Ты же не хочешь, чтобы Фаулер увидел, как мы снова ссоримся? А то еще не так о тебе подумает.

Он что, снова за свое?

— Ты ведь понимаешь, что твое помешательство на моем парне — это сущее ребячество, Варона? Это ниже тебя.

— Разве я дно уже не пробил? — небрежно ответил Нико, а Брикенридж метнула в них предостерегающий взгляд с другого конца сцены.

— Просто перестань, — пробормотала Либби.

Нико и Эзра ненавидели друг друга два года, что учились в НУМИ, пока Эзра не выпустился, и это стало отдельной темой для противостояния Нико и Либби. Нико не знал тягот жизни, и потому борьба за жизнь Эзры ничего для него не значила. Либби с Эзрой знали, что такое потеря: он еще в детстве лишился матери, оставшись бездомным сиротой, тогда как Нико, наверное, в жизни и тоста не спалил.

— Напомню, кстати, что вам с Эзрой больше не придется пересекаться. Нам, — запоздало поправились она, — не придется больше пересекаться.

— Только не надо делать из этого трагедию, Роудс.

Либби бросила на него злой взгляд, а он посмотрел на нее, улыбнувшись краешком губ.

— Нет дыма без огня, — пробормотал Нико, и Либби снова ощутила прилив ненависти.

— Варона, ты можешь просто...

— ...с радостью представляю вам выпускницу, которая подготовила речь, Элизабет Роудс! — раздался голос ведущего, и Либби подняла взгляд, осознав, что весь зал сейчас взирает прямо на нее. Эзра слегка хмурился, а значит, увидел, как она цапается с Нико.

Либби выдавила улыбку, встала с места и, проходя мимо Нико, пнула его в лодыжку.

— Постарайся волосы не теревить, — шепотом напутствовал Нико; и, уж конечно, специально — чтобы Либби снова зациклилась на своей челке, которая все две минуты выступления так и норовила упасть на глаза.

Умение достать было одной из малых магических способностей Нико. Сама речь удалась (вроде бы), хотя, когда Либби закончила, ей до жути хотелось снова дать Нико по лодыжке. Вместо этого она упала на свое место и вновь подумала, какая прекрасная жизнь наступит, стоит подождать еще минут двадцать; и тогда — прощай, Нико. Навеки.

— Молодцы, вы двое, — кисло сказала декан Брикенридж, пожимая им руки, когда ребята покидали сцену. — Целая церемония без единого инцидента. Впечатляет.

— Да, мы умеем впечатлить, — согласился Нико таким тоном, за который Либби захотелось дать ему леща. А вот Брикенридж гулко рассмеялась и, с улыбкой покачав головой, отправилась потом в противоположную сторону. Либби и Нико спустились со сцены.

Слившись с толпой выпускников и гостей, Либби остановилась и попыталась придумать что-нибудь этакое — да поужасней: прощальное, разрушительное напутствие-проклятие. Что потом будет преследовать Нико, даже когда она уйдет из его жизни.

Однако вместо этого Либби протянула ему руку, решив не вести себя как ребенок.

Быть воспитанной.

И так далее.

— В общем... это... удачи, — сказала Либби, и Нико с сомнением взглянул на ее ладонь.

— И это все, Роудс? — спросил он, поджав губы. — Брось, ты можешь лучше. Я знаю, ты же прощание в душе репетировала.

Боже, как он ее бесит.

Шестерка Атласа

— Забей, — сказала Либби и, развернувшись, направилась к проходу, который вел к дверям. — Не увидимся, Варона.

— Уже лучше, — крикнул он ей вслед, добавив небрежные аплодисменты. — Бра-во, Элизабет...

Она вихрем развернулась, сжимая кулак.

— А ты что скажешь на прощание?

— Ну, вряд ли теперь есть смысл говорить, — сказал Нико, изображая улыбку, которая больше напоминала самодовольную усмешку. — Или дать тебе самой угадать? Ну, знаешь, — добавил он, делая шаг навстречу, — чтобы было чем занять мозги во время монотонной жизни с Фаулером.

— Ты реально уникам, — огрызнулась она. — Дергать за косички — это не секси, Варона. Пройдет лет десять, а ты так и останешься один, и Гидеон будет выбирать за тебя галстуки. Я ни разу о тебе не вспомню, уж поверь.

— А на тебе лет через десять будут висеть три маленьких Фаулера, — отозвался Нико, — и ты вдруг подумаешь, какого хрена стало с твоей карьерой, пока твой серый муж будет требовать ужина.

Ну вот, опять оно.

Бешенство.

— Даже если я больше тебя никогда не увижу, Варона, — тихо закипая, сказала Либби, — все равно этого мало...

— Прошу прощения, — произнес рядом мужской голос, и Либби с Нико одновременно обернулись.

— Чего? — хором зло спросили они, и незнакомец, кем бы он ни был, улыбнулся.

Перед ними стоял темнокожий мужчина с гладко выбритой, поблескивающей головой. На вид Либби могла дать ему больше сорока. Он замер посреди редющей толпы выпускников, и весь его вид — от одежды (сплошной твид в клеточку) до манер — откровенно выдавал в нем британца. А еще он был очень высок.

И пришлось чрезвычайно не ко времени.

— Николас Феррер де Варона и Элизабет Роудс? — спросил незнакомец. — Могу ли я сделать вам предложение?

— У нас уже есть работа, — раздраженно бросила Либби, не дожидаясь, пока Нико ответит в своей неизменно аристократической манере. — Но самое главное, вы нас перебили.

— Да, я заметил, — насмешливо заметил мужчина. — И тем не менее, боюсь, я стеснен во времени. Поэтому если и делаю предложение, то выбираю поистине лучших.

— И кого из нас двоих? — спросил Нико, с излишним чванством выдержав злобный взгляд Либби, а после обернувшись к незнакомцу, который ждал, повесив на предплечье зонтик. — Если, конечно, это не...

— Вы оба, — сказал мужчина, а Нико с Либби обменялись пылающими взглядами, которыми как бы говорили друг другу «Или же один из нас», чем только подтвердили его выбор.

Мужчина пожал плечами, а Либби, хоть и не заинтересовалась, слегка нахмурилась.

— Кто из вас преуспеет, определять вам, не мне.

— Преуспеет? — невольно переспросила она. — Что это значит?

— Место есть для одного. Всего отобрано шестеро. Лучших со всего света.

— Со всего света? — с сомнением переспросила Либби. — Мне кажется, вы преувеличиваете.

Мужчина склонил голову.

— С удовольствием раскрою наши критерии. В настоящее время в мире живет примерно десять миллиардов человек, не так ли? — спросил он, и Либби с Нико, слегка обескураженные, осторожно кивнули. — Девять с половиной миллиардов, если быть совсем точным, из которых лишь часть наделена магическими способностями. Пять миллионов — плюс-минус — тех, кого

можно классифицировать как колдунов и ведьм. Разумеется, только шесть процентов из них дотягивает до уровня медитов, годных для обучения по университетской программе в учреждениях, которые разбросаны по всему земному шару. Из них только десять процентов подходят для обучения в лучших университетах вроде этого, — сказал он, жестом руки окидывая баннеры НУМИ. — Разумеется, совсем малая доля — один процент, а то и менее, — попадает в поле зрения нашего отборочного комитета. Большинство отсеивается еще на старте. Остается три сотни человек. Из этих трех сотен только десять процентов обладает необходимыми качествами: специальность, академическая успеваемость, черты характера и прочая.

Тридцать человек. Нико самодовольно взглянул на Либби, будто знал: она наверняка сейчас прикидывает в уме цифры. А она в ответ посмотрела на него с презрением, словно понимала, что он — нет.

— А потом, конечно же, начинается самое интересное, подлинный отбор, — продолжал мужчина так, будто у него в распоряжении была уйма времени, что предполагал его шитый по мерке твидовый костюм. — У кого из студентов самая редкая магия? Самый пытливый ум? Подавляющее большинство ваших одаренных сокурсников отправится служить магической экономике в качестве счетоводов, инвесторов, юристов по магическому праву, — просветил он. — Может, среди них найдутся редкие счастливики, которые создадут нечто особенное, но лишь тридцать человек действительно достойны считаться феноменальными, и, конечно, только для шестерых поистине особенных откроется дверь.

Незнакомец слегка улыбнулся.

— К концу года, разумеется, из нее выйдут пятеро, но до этого момента еще надо дожить.

Либби, которая все еще была потрясена критериями отбора, уступила Нико первое слово.

— Думаете, что лучше нас с Роудс всего четверо?

— Я думаю, что в мире всего шесть обладателей равно уникального таланта, — уточнил мужчина с таким видом, будто повторял нечто, сказанное ранее и известное, — к числу которых вы можете или не можете относиться.

— Так нам, значит, соревноваться друг с другом, — кисло заметила Либби, бросая взгляд на Нико, — снова?

— И другими четверьмя, — подтвердил незнакомец, протягивая им карточку. — Атлас Блэйкли, — представился он, а Либби присмотрелась к визитке: «Атлас Блэйкли, Хранитель». — Как я уже сказал, я бы хотел сделать вам предложение.

— А что вы, собственно, храните? — спросил Нико, и Атлас Блэйкли искренне улыбнулся ему.

— Будет лучше, если я расскажу все всем сразу, — ответил он. — Прошу простить, но разъяснять пришлось бы очень многое, а предложение остается действительным еще несколько часов.

Либби, которая почти никогда не позволяла импульсам взять над собой верх, сохраняла настороженный настрой и недоверие.

— Вы даже не скажете, что предлагаете? — спросила она Атласа, найдя его тактику вербовки чрезмерно скрытной. — Так с какой нам стати вообще соглашаться?

— Что ж, это решать совсем не мне, не так ли? — Атлас пожал плечами. — Как бы там ни было, я вас предупредил: время поджимает, — напомнил он, взяв зонтик в руку, в то время как от толпы осталось всего несколько человек, да и те уже двигались по проходу. — Временные зоны — дело хитрое. Кого из вас мне ждать? — спросил он, со значением переводя взгляд с одного на другого.

Либби нахмурилась.

— Вы же говорили, что это нам решать?

— О, в конечном счете все и правда обстоит так. — Атлас кивнул. — Я лишь предположил — глядя, как рьяно оба вы стремитесь разойтись, — что приглашение примет только один.

Шестерка Атласа

Либби схлестнулась взглядом с Нико. Оба ощетинились.

— Ну, Роудс? — тихим, издевательским тоном произнес Нико. — Сама скажешь ему, что я лучше, или это сделать мне?

— Либс, — окликнул ее подбежавший Эзра. Заметив его всклокоченную шевелюру, Либби попыталась придать лицу беззаботное выражение, сделала вид, будто с ней не происходит то, что обычно случается в присутствии Нико (а именно неизбежная потеря терпения). — Ну что, пошли? Твоя мама ждет снару...

— О, привет, Фаулер, — сказал Нико, надменно улыбаясь. — Проект-менеджер, значит?

Либби внутренне вздрогнула. В его устах название новой должности Эзры звучало как оскорбление, хотя для любого медита это было престижным местом. Но ведь Нико де Варона не «любой медит». Он же собирался стать кем-то больше, кем-то... заметным.

Он был одним из шестерки лучших на свете. На всем белом свете.

И она тоже.

Но ради чего это?

Либби моргнула, выныривая из раздумий и видя, что Нико все еще говорит:

— ...взял и перебил. Фаулер. Может, дашь нам минутку?

Эзра нахмурился и настороженно перевел взгляд на Либби.

— У тебя...

— ...все нормально, — успокоила она его. — Просто... погоди секунду, ладно? Секунду, — повторила она, отводя его в сторонку, снова обернулась к Атласу... и запоздало сообразила, что Эзра его не видит.

— Ну так что, Николас? — выжидательно спросил Атлас.

— О, можно просто Нико. — Варона сунул визитку в карман и с напыщенным, довольным видом протянул ему правую руку. — Когда мы с вами встретимся, мистер Блэйкли?